

Мой сын! Я не верил своим ушам. Я медленно встал и посмотрел на красивое лицо юноши. Теперь, всмотревшись в него ближе, я начал понимать, почему он сразу произвел на меня такое сильное впечатление. Благородные черты мальчика напоминали несравненную красоту его матери: но это была вполне мужественная красота, и его серые глаза были такие же, как мои.

Юноша стоял, глядя на меня с видом, полным надежды и сомнения.

– Расскажи мне о твоей матери, – сказал я ему. – Расскажи все, что сможешь, о тех годах, в течение которых я был оторван от нее безжалостной судьбой.

С криком радости бросился он ко мне и обнял руками мою шею. Я прижал к себе моего мальчика, слезы подступили к моему горлу, и я чуть не разрыдался. Но я не жалею об этом и не стыжусь. Долгая жизнь научила меня, что мужчина, достаточно сильный в серьезных жизненных случаях, может показаться слабым, когда дело идет о женщине и детях.

– Твоя фигура, твои манеры, твое удивительное искусство фехтования, – сказал юноша, – как раз такие, как мне описала их мать, и все же, несмотря на всю очевидность, я не смел, поверить правде, хотя жаждал поверить ей всей душой. Как думаешь, что убедило меня больше всего?

– Что, мой мальчик? – спросил я.

– Твои первые слова ко мне были о моей матери. Никто другой, кроме отца, который, по ее словам, так глубоко любил ее, не подумал бы, прежде всего о ней.

– За долгие годы, сын, я не помню момента, когда дивный образ твоей матери не стоял бы передо мной, как живой. Расскажи мне о ней.

– Те, кто давно ее знают, находят, что она не изменилась и даже стала еще более красивой – если только это возможно. Но когда она думает, что я не вижу, лицо ее делается таким грустным, таким печальным! Она постоянно думает о тебе, отец, и весь народ Гелиума плачет с нею и жалеет ее. Народ деда так любит ее! Они и тебя любят и боготворят твою память: ведь ты – спаситель Мусраба! Каждую годовщину, когда ты летел через мир умирающих, чтобы открыть тайну ужасного портала, за которым лежала жизнь бесчисленных миллионов, в твою честь устраивается грандиозный праздник. Но к слезам благодарности примешиваются слезы печали – печали о том, что творец их счастья не с ними и что он умер, подарив нам радость бытия. На всем Мусрабе нет имени более великого, чем Алекс с Земли.

– Каким же именем твоя мать назвала тебя, мой мальчик? – спросил я.

– Народ Гелиума хотел, чтобы мне было дано имя отца, но мать сказала, что ты с ней уже выбрал для меня имя, и чтобы исполнить твое желание, назвала меня Алорисом, именем, в котором соединены имена вас обоих.

Ксодар, бывший у колеса в то время, когда я разговаривал с сыном, подозвал меня.

– Плохо, что машина все время опускается носом! – сказал он. – Пока мы шли под углом, это было мало заметно, но теперь, когда я стараюсь держать горизонтальный курс, видно, что что-то испорчено. Вероятно, повреждение на носу повлекло за собой течь в одном из передних резервуаров лучей.

Это была правда, и после того, как я исследовал повреждение, оказалось, что дело обстоит

много хуже, чем я ожидал. Прежде всего, тот угол, под которым мы были вынуждены поддерживать нос, чтобы держаться горизонтального курса, чрезвычайно препятствовал полету; но ужасней всего была скорость, с которой мы теряли отталкивающие лучи из передних резервуаров, и надо было ждать, что через час или немногим больше, мы окажемся совершенно беспомощными и упадем.

Из чувства самосохранения мы слегка уменьшили скорость; но теперь я взялся за руль и пустил машину полным ходом. Мы опять понеслись к северу, с головокружительной скоростью. Ксодар и Алорис с инструментами в руках тщетно старались заделать громадную трещину на носу и остановить потерю лучей.

Было еще темно, когда мы миновали северную границу ледяного мыса и зону облаков. Под нами расстилался типичный тарианский ландшафт: волнистые, цвета охры, низменности давно высохших морей, окаймленные низкими грядами холмов; раскинутые тут и там безмолвные, мрачные города мертвого прошлого, развалины величественной архитектуры, населенные лишь воспоминаниями и страшными белыми обезьянами Мусраба.

Становилось все труднее поддерживать наше маленькое суденышко в горизонтальном положении. Нос оседал все ниже и ниже, так, что, наконец, оказалось неизбежным оставить машину и снизиться, иначе наш полет завершился бы стремительным падением.

Когда взошло солнце, и дневной свет рассеял темноту ночи, наше судно в последний раз судорожно вынырнуло, накренилось в сторону, и с наклоненной под углом палубой стало медленно вращаться, причем нос с каждой секундой опускался все ниже. Мы ухватились за поручни и, зная, что конец близок, прицепили к перилам наши пояса. В следующий момент палуба образовала угол в 90 градусов, и мы повисли на ремнях, болтаясь высоко над поверхностью.

Я висел как раз рядом с контрольным прибором и коснулся рычага, направляющего отражающие лучи. Лодка ответила на прикосновение, и мы начали мягко опускаться вниз.

Прошло не менее получаса, прежде чем мы снизились. Прямо к северу от нас поднимался ряд довольно высоких холмов; к ним мы и решили направиться, так как они представляли себе возможность укрыться от преследователей, которые должны были обыскать всю эту местность.

Час спустя, мы уже были в оврагах среди прекрасных цветущих растений, которыми изобилуют сухие пустынные места Мусраба. Нам посчастливилось найти много крупных кустов, дающих молоко – это странное мусрабское растение служит одновременно и пищей и питьем для диких орд зеленых людей. Для нас эта находка оказалась просто спасением, так как мы почти умирали с голоду.

Затем в первый раз после многих часов мы легли спать, укрывшись за группой кустов, представлявших прекрасное убежище от воздушных разведчиков. Так начался мой пятый день на Мусрабе, с тех пор, как я внезапно оказался перенесенным с Земли в долину красоты и ужаса. За все это время я спал только два раза.

Стоял полдень, когда я проснулся, почувствовав, что кто-то схватил мою руку и покрывает ее поцелуями... Удивленный, я открыл глаза, и увидел прекрасное лицо Тувии.

– Мой принц! Мой принц! – лепетала она в экстазе. – Это ты, которого я оплакивала, как умершего! Мои предки были добры ко мне; я жила не напрасно!

Голос девушки разбудил Ксодара и Алориса. Он с удивлением взглянул на девушку, но она,

казалось, не замечала никого, кроме меня. Обняв руками мою шею, она готова была покрывать меня поцелуями, но я мягко и решительно освободился из ее объятий.

– Успокойся, Тувия, успокойся! – сказал я ей ласково. – Ты слишком взволнована перенесенными тобой лишениями и ужасами. Ты забываешься и забываешь, что я супруг принцессы Гелиума.

– Я ничего не забываю, мой принц! – возразила она. – Ты ведь никогда не сказал мне ни единого слова любви, и я не жду от тебя ничего. Но ничто не сможет помешать мне любить тебя. Я совсем не мечтаю занять место Деи Торис. Мое самое большое желание – служить тебе, служить вечно, быть твоей рабой. Я прошу об этом, как о милости. Это самая большая честь, на которую я могу надеяться, самое большое счастье, которого я жажду!

Должен сознаться, что редко чувствовал я себя так скверно, как в этот момент! Мне был хорошо известен тарианский обычай, позволяющий иметь мужчинам женщин-рабынь, причем высокая честь тарианца является достаточной защитой для каждой женщины в его доме. Зная этот обычай, я все же выбирал личных слуг среди мужчин.

– Если я когда-нибудь вернусь в Гелиум, Тувия, то ты поедешь со мной не как раба, а как равня. Ты встретишь там много красивых благородных молодых людей, которые будут считать за счастье завоевать твою улыбку, и ты скоро выйдешь замуж за одного из них! Сейчас ты ослеплена чувством, выросшим из благодарности, которую твоя невинность приняла за любовь. Забудь Тувия, я предпочитаю твою дружбу.

– Ты – мой повелитель, да будет так, как ты сказал, – ответила она просто, но в голосе ее прозвучала грустная нотка.

– Как ты попала сюда, – спросил я ее. – И где Тарс Таркас?

– Я боюсь, что великий тарк умер, – ответила она печально. – Он был могущественный воин, но полчище зеленых людей из другой орды победило его. Я видела его в последний раз истекающим кровью, когда они несли его в город, из которого сделали вылазку, чтобы атаковать нас.

– Значит, ты не уверена, что он умер? – спросил я. – Где город, о котором ты говоришь?

– Он находится как раз за этим хребтом. После того как ты великодушно предоставил нам место на корабле, мы два дня бесцельно носились по течению. Затем мы решили покинуть судно и пробираться пешком к ближайшему водному пути. Вчера мы прошли эти холмы, и подошли сзади к мертвому городу. Мы пошли по улицам к центральной части, как вдруг на перекрестке они заметили Тарс Таркаса. Впереди был целый отряд приближающихся к нам зеленых воинов. Тарк подскочил ко мне и заставил укрыться в ближайший проход, где велел прятаться до тех пор, пока не представится случай ускользнуть и, если будет возможно, добраться до Гелиума.

– «Для меня теперь нет спасения», – сказал он. – Это мои злейшие враги – варуны с юга; они будут биться со мной не на жизнь, а на смерть.

Затем он вышел им навстречу. Ах, мой принц, какой это был бой! Целый час кишели они вокруг него, пока на том месте, где он стоял, не образовался целый холм из мертвых. Наконец, они победили, находившиеся позади, толкали к нему передних воинов, пока ему не осталось места, чтобы поднять свой большой меч. Тут он пошатнулся, и они налетели на него подобно громадной волне. Потом понесли его к центру города. Я думаю, что он умер, так как был

совершенно неподвижен.

– Перед тем, как отправиться дальше, мы должны в этом удостовериться, – сказал я. – Я не могу оставить Тарс Таркаса живым у варунов! Сегодня вечером пойду в город и узнаю, жив ли тарк.

– Я пойду с тобой, – сказал Алорис.

– И я, – сказал Ксодар.

– Ни один из вас не должен идти, – возразил я. – Это дело требует хитрости и ловкости – отнюдь не силы. Один я имею больше шансов на успех, ваше присутствие может лишь повлечь беду. Если мне понадобится ваша помощь, я вернусь за вами.

Они не одобрили этого, но оба были хорошие солдаты и считали меня своим начальником. Мне не пришлось долго ждать: солнце уже заходило, и скоро темнота Мусраба окутала нас.

Я дал некоторые инструкции Алорису и Ксодару на тот случай, если не вернусь, попрощался со всеми и быстрым шагом направился к городу.

Когда я вышел из-за холмов, месяц совершал по небу свой очередной полет, и его яркие лучи обращали в полированное серебро варварские великолепные стены древней столицы. Город был выстроен у подножия пологих холмов, которые когда-то спускались к морю, благодаря чему мне оказалось нетрудным войти незамеченным в город.

Зеленые орды, располагающиеся в этих пустынных городах, занимают обычно только небольшую площадь: в центре, и так как они всегда приходят и уходят по дну моря, к которому обращена передняя часть города, то вход в город со стороны холмов сравнительно безопасен.

Очутившись на улице, я стал держаться в густой тени стен. На перекрестках я задерживался на минуту, чтобы убедиться, что никого нет, затем быстро прыгал в темноту противоположной стороны улицы. Так я беспрепятственно прошел через улицы, близкие к центру. Когда я приблизился к окраинам населенных районов, визг тотов и хрюканье цитидаров, запертых внутри пустых дворов, образованных зданиями, окружающими каждый квартал, дали мне понять, что я нахожусь вблизи лагеря.

Я задрожал от радости, услышав эти знакомые звуки, такие характерные в жизни зеленых кочевников. Мне казалось, что после долгого отсутствия я пришел домой. Ведь под эти самые звуки началась моя любовь к несравненной Дее Торис в древних мраморных залах мертвого города Корада.

Стоя в тени, в дальнем углу первого квартала, населенного кочевниками, я увидел, что из некоторых строений выходят воины. Они все шли к большому зданию в центре площади. Мое знание обычаев тарианцев подсказало, что здесь либо находится квартира вождя, либо комнаты для аудиенций, в которых джеддак принимает своих подчиненных. Весьма вероятно, что тарианцы готовились к чему-то, связанному с недавним захватом Тарс Таркаса.

Чтобы достигнуть этого здания, что я считал необходимым, мне надо было пересечь широкую аллею и часть площади. Звуки, издаваемые животными в каждом дворе, ясно говорили, что в окружающих домах было много народа – вероятно, несколько общин великой орды южных варунов.

Незамеченным пройти было трудно, но для того, чтобы найти и спасти великого тарка, я готов

был преодолеть и большие препятствия.

Я проник в город с юга и теперь стоял на перекрестке двух дорог. Строения с этой стороны площади не были освещены, так что казалось, что они необитаемы. Можно было попытаться проникнуть во внутренний двор через одно из них.

Ничто не мешало моему проходу через пустое здание, и я вошел во внутренний двор близ стен восточных строений. Внутри двора паслось большое стадо тотов и зитидаров; они ходили кругом, собирая похожие на мох желтого цвета растения, которые покрывают почти все неводеланные площади Тары. Так как ветер дул с северо-запада, было маловероятно, что животные меня почуют. Если бы это случилось, их хрюканье, ворчание и неистовые крики неминуемо привлекли бы внимание воинов, живущих внутри здания.

Под покровом темноты я прополз через весь двор, прижимаясь к восточной стене под нависшими балконами вторых этажей, и очутился у зданий, окаймлявших двор с севера. Только первые три этажа были освещены; выше третьего было совершенно темно.

Конечно, о переходе через освещенные комнаты нечего было, и думать, так как они были полны зелеными воинами и женщинами. Единственный путь, возможный для меня, лежал через верхние этажи, достигнуть которых я мог, только взобравшись по стене. Попасть на балкон второго этажа оказалось для меня нетрудным: легкий прыжок дал мне возможность ухватиться руками за каменные перила, и в следующий миг я перебрался на балкон.

Отсюда через открытые окна я увидел зеленых людей. Они сидели, поджав ноги, на мехам и шелках, предназначенных для спанья. Время от времени они перекидывались односложными словами, что в связи с удивительными телепатическими способностями тарианцев было вполне достаточно для содержательного разговора.

Когда я придвинулся ближе, чтобы прислушаться к тому, что они говорили, в комнату вошел воин.

– Идем, Тан Гама! – закричал он. – Нам велено отвести тарка к Каб Кадусу. Возьми кого-нибудь с собой.

Воин, к которому обратился пришедший, встал, сделал знак товарищу, сидевшему рядом на корточках, и все трое вышли из комнаты.

Если бы мне удалось проследовать за ними! Могла бы представиться возможность освободить тарка или, по крайней мере, я узнал бы место его заключения.

Справа от меня была дверь, ведущая с балкона внутрь дома. Это было в конце неосвещенного коридора, я не раздумывая, вступил туда.

Коридор был длинный и проходил через весь этаж к лицевой стороне дома. По обеим сторонам были двери, которые вели в смежные квартиры.

Я сразу увидел в другом конце коридора трех воинов – тех самых, которые только что вышли из комнаты. Затем поворот вправо скрыл их от меня. Я быстро погнался за ними по коридору. Мой поступок был отчаянным, но я считал, что случай, предоставленный мне судьбой, был знаком ее особой милости ко мне, и, ни за что не хотел упустить его.

В конце коридора я увидел спиральный скат, соединявший верхние и нижние этажи. Три тарианца, которых я искал, сошли вниз по этой лестнице. В том, что они пошли вниз, а не

наверх, я был убежден: ведь весь верх был необитаем. Мое знакомство с этими старинными зданиями и с приемами варунов позволяло быстро ориентироваться в городе и легко догадываться о намерениях зеленых воинов.

Я сам однажды был пленником жестокой орды северных варунов, и воспоминание о подвале, в который я был брошен, все еще было живо в моей памяти. Я почувствовал уверенность, что Тарс Таркас заключен в темной яме под одним из прилегающих зданий, и что в этом направлении нужно искать следы трех зеленых воинов, отправившихся за ним.

И я не ошибся. Спустившись вниз, с площадки нижнего этажа я увидел, что нечто вроде шахты вело вниз, в яму; я глянул туда и мерцающий факел выдал мне присутствие воинов, которых я выслеживал.

Они уже спустились вниз. Я следовал за неверным светом их факелов на безопасном расстоянии. Они вступили в настоящий лабиринт извилистых коридоров, освещаемых только неровным светом, который они несли с собой. Мы прошли, может быть, сотню метров, когда они вдруг круто свернули направо. Свет скрылся. Я поспешил за ними, шаря руками в темноте, и через несколько минут достиг того места, где они пропали. Здесь через открытую дверь я увидел, как они снимали цепь, приковавшую к стене тарка.

Грубо толкая его, они так быстро вышли из камеры, что чуть не застigli меня врасплох. Все же мне удалось пробежать по коридору несколько десятков шагов в том направлении, в котором я только что шел за ними. К счастью, я отбежал настолько, что не попал в полосу слабого света, когда они вышли из камеры.

Я, предполагал, что они поведут Тарс Таркаса тем же путем, которым пришли и, значит, будут удаляться от меня. Но, к моему огорчению, выйдя из камеры, они сразу свернули в мою сторону. Мне ничего не оставалось, как бежать перед ними, стараясь держаться вне света их факелов. Я не смел даже останавливаться в темноте на перекрестках многочисленных коридоров, так как не знал, в каком направлении они пойдут.

Ощущение быстрого движения по этим коридорам было весьма неприятным. Я мог каждую минуту провалиться к тем отвратительным существам, которые населяют подземные области под мертвыми городами.

От людей позади меня струился слабый свет, благодаря которому я мог кое-как различать направление извилистых проходов и не ударяться на поворотах о стены. Но вот я подошел к перекрестку из пяти коридоров. Я быстро пробежал некоторое расстояние вдоль одного из них, как вдруг свет факелов позади меня сразу угас. Я остановился, чтобы прислушаться к звукам шедших за мной людей, но кругом была гробовая тишина.

Я сообразил, что воины с пленником вошли в другой коридор, и поспешил назад, почувствовав значительное облегчение: теперь я мог с большей безопасностью выслеживать их сзади!

Однако дойти обратно до перекрестка оказалось очень трудно: темнота была такой же полной, как тишина. Приходилось нащупывать стену рукой, и следить за каждым шагом, чтобы не пропустить места, где скрещивались пять дорог. Мне показалось, что прошла целая вечность, пока я, наконец, достиг площадки. Чтобы удостовериться в этом, я ощупью пробирался от входа к выходу: их действительно оказалось пять. Но, ни в одном из них не было, ни малейшего проблеска света.

Я внимательно прислушался, но зеленые воины не носят обуви, и шаги их голых ног совершенно беззвучны; вдруг, далеко в среднем проходе, мне послышался звон оружия.

Я поспешил на звук, временами останавливаясь в надежде, что он повторится. Но вскоре я убедился в своей ошибке. Было совершенно тихо.

Я опять кинулся назад, к месту расхождения дорог, как вдруг, к моему удивлению, наткнулся на развилку трех коридоров! Как я не заметил этого перекрестка! Теперь я не знал, через который мне следовало вернуться. Хорошее положение, нечего сказать! Если бы я не уходил с большого перекрестка, то я мог бы с некоторой уверенностью ожидать возвращения воинов с Тарс Таркасом. Мое знание их обычаев подсказывало, что они сохраняют такого знаменитого воина, как Тарс Таркас, для участия в великих играх, во время которых он мог бы показать свое удивительное искусство.

Но если я не найду дорогу к этому месту, мне предстоит день за днем блуждать в этом ужасном мраке, пока, измученный голодом и жаждой, я не свалюсь, чтобы умереть, или... Я внезапно вздрогнул. Что это такое?

Позади меня слышался тихий шелест, и когда я бросил взгляд через плечо, кровь застыла у меня и жилах. Это был не столько страх настоящей опасности, сколько ужас всплывшего в этот миг воспоминания о том, как я когда-то чуть не сошел с ума в подземной темнице варунов, когда горящие глаза выплыли из темноты и вырвали из моих рук тело убитого мной человека.

И теперь, в этом черном мраке подвала другой орды варунов, я увидел те же огненные глаза, следящие за мной из тьмы. Казалось, они плыли по воздуху. Я думаю, что самым страшным свойством этих существ является их безмолвие, и тот факт, что вы никогда не видите их. Перед вами стоят только мрачные, немигающие глаза, пронизывающие вас сквозь темную пустоту.

Крепко сжав в руках мой длинный меч, я начал медленно отступать вдоль коридора, но по мере того, как я отступал, глаза приближались. При этом не было слышно ни единого звука, даже дыхания, только время от времени повторялся тот шелест, который привлек мое внимание.

Я шел все дальше, но не мог уйти от моего мрачного преследователя. Вдруг шелест раздался, справа от меня, и, оглянувшись, я увидел другую пару глаз, очевидно, приближавшуюся со стороны одного из пересекающихся коридоров. Я продолжал свое медленное отступление, но скоро услышал повторение шелестящих звуков позади себя, и не успел опомниться, как услышал их снова.

Они собрались вокруг меня, окружив в точке пересечения двух коридоров. Отступление было отрезано со всех сторон. Разве только напасть на одного из этих зверей? Но я не сомневался, что тогда остальные немедленно ринутся на меня сзади. Я не мог даже догадываться, каких размеров были эти таинственные существа, и ничего не знал об их природе. Что они все же были довольно велики, это я мог предположить из того, что глаза их были на одном уровне с моими.

Отчего мрак так усиливает ощущение опасности? Днем я готов был сражаться с целой ордой, если бы это оказалось нужным, а теперь, под влиянием темноты, я колебался перед парой глаз.

Мне казалось, что прошли часы, пока глаза смыкали свой круг. Они надвигались все ближе и ближе. Наконец я почувствовал, что схожу с ума от ужаса. Я озирался, как загнанный зверь, то в одну, то в другую сторону, чтобы помешать им, наброситься на меня сзади. Наконец я не смог больше выносить этого ужасного напряжения, схватил свой длинный меч и ринулся на одного из моих мучителей.

Я был почти у цели, когда животное внезапно отступило передо мной, но тут звук позади меня заставил меня поспешно обернуться, и я увидел три пары глаз, устремившихся ко мне из

глубины. С криком ярости я пошел на них, но по мере того, как я приближался, они отступали подобно их товарищу. Тогда, бросив взгляд через плечо, я увидел, что первые глаза опять крадутся ко мне. Повторно бросился я к ним, и они сразу отступили передо мной.

Сколько времени это продолжалось – не знаю, но с каждым разом глаза подходили все ближе и ближе. Было совершенно очевидно, что животные выжидают момента, чтобы броситься на меня сзади, и не менее очевидно, что им удастся это сделать. Я был совершенно измучен безрезультатностью моих нападений.

В этот момент я еще раз обернулся и заметил, что глаза, находившиеся за моей спиной, блеснули и бросились ко мне. Я повернулся к ним, чтобы встретить нападение; остальные три пары быстро устремились ко мне с другой стороны; но я твердо решил преследовать первую пару глаз, чтобы, по крайней мере, покончить с одним из врагов и избавиться от необходимости защищаться с двух сторон.

В коридоре не было слышно ни звука, кроме моего собственного дыхания, но я знал, что три неведомых существа почти настигли меня. Глаза передо мной уже не отступали так быстро; они были от меня на расстоянии меча. Я размахнулся, чтобы нанести последний удар, и почувствовал тяжелое тело, навалившееся на меня сзади. Что-то холодное, влажное и скользкое сдавило мне горло. Я пошатнулся и упал.